

ЮРИК (ЮРМЕТ) НАГИЕВ

*А весной
мы вернёмся
в родные горы*

Юрик (Юрмет) Нагиев А весной мы вернёмся в родные горы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28720023

ISBN 9785449008428

Аннотация

Книга замечательного российского писателя Юрика (Юрмета) Нагиева. Книга выпущена в рамках конкурсной книжной серии «Славянское слово» Международным союзом писателей им. св. св. Кирилла и Мефодия.

Содержание

Свою книгу я хочу посвятить памяти моих дорогих родителей	5
«Писал парнишка на стене...»	6
А весной мы вернёмся в родные горы	8
Это же ведь не высшая математика	25
Клятва ребёнка	30
Белое Облачко и Чёрная Тучка	34
Риторический вопрос	37
Не подвластна годам наша любовь	43
В ЖКЭУ	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

А весной мы вернёмся в родные горы

Юрик (Юрмет) Нагиев

Корректор Михаил Воронков

© Юрик (Юрмет) Нагиев, 2018

ISBN 978-5-4490-0842-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Свою книгу я хочу посвятить
памяти моих дорогих родителей**

«Писал парнишка на стене...»

Писал парнишка на стене,
Всего два слова белой краской.
Боясь, что крикнут как шпане,
Оглядывался он с опаской.

Парнишка тот мечтатель был,
Поэт с открытою душою.
В слова огромный смысл вложил,
Делился с нами добротою.

Прочла и Мир волшебным стал —
Летели птицами бумажки.
Клематис словно танцевал,
И вдруг запели три ромашки.

И даже старый, рыжий кот
Мышам стихи свои читает.
А ветер – тихий двор метёт,
Узор из листьев выплетает.
Не зря парнишка написал,
Свои два слова краской белой.
Писал и Мир нам открывал,
Который всем казался серым.

Ведь Мира краса необъятна,
Стою, удивляюсь приятно.

посвящаю Юрмету Нагиеву
Лёля Панарина

А весной мы вернёмся в родные горы

В уютной сакле¹ у окна сидела девочка лет пяти. Рядом, на подоконнике удобно расположилась упитанная кошка и, нежась в лучах солнца, мурлыкала, глядя на маленькую хозяйку. Внезапный порыв ветра ударил каплями дождя по оконному стеклу и нещадно забарабанил по железной кровле. Затем небо прорезала молния, и раздались раскаты грома. Девочка испугалась и подбежала к бабушке, вязавшей чувяки² из шерстяных разноцветных ниток. Вслед за девочкой с подоконника спрыгнула и кошка. Вытянувшись всем телом, киса улеглась у ног бабушки.

– Не бойся, внученька, – сказала та спокойно, – я тебе и Ириске налью теплого молока. Попейте и успокойтесь.

Баде³ присела на край дивана, взяв в руки спицы и расположив возле ног клубки разноцветных шерстяных ниток. И вновь закипела работа. Её пальцы стремительно нанизывали на спицы петли, вывязывая удивительно красивый орнамент. Впереди была зима, а в горах она особенно суро-

¹ Сакля – жилище кавказских горцев, сооружённое из камня или из саманного кирпича;

² Чувяки – Чувеки-Чувекар (лезг. яз.) – вязанные носки с красивым орнаментом из разноцветных шерстяных ниток.

³ Баде (лезг. яз.) – бабушка, мать отца;

вая. Надо было успеть связать много тёплых носков для многочисленных внуков и внучек. Вновь ярко светило солнце. В синем чистом небе кружились орёл с орлицей, совершая виражи над горной вершиной. Возможно, там было их гнездо. А пушистые облака зацепились за седые горные вершины и отдыхали, словно путники, перед дальней дорогой...

Во дворе хрипло залаял старый волкодав Джульбарс, высунув голову из конуры и внимательно осматривая двор, который он охранял. Мимо прошла хозяйка. Пёс радостно выскочил из конуры, повилял хвостом перед ней и важно прошёлся по двору, словно проверяя, всё ли на месте. Мама вернулась с хара⁴ с горой лаваша. В сакле повеяло ароматом свежеиспечённого хлеба и ещё чем-то, очень и очень приятным. Девочка подошла к маме и молча ждала, когда раскроется секрет этого доселе неизвестного ей запаха. Выложив хлеб на чистую скатерть, чтобы он немного остыл, мама распределила по тарелкам афарар⁵. – О боги! Бывает же настолько вкусным афарар! – воскликнула свекровь.

– А откуда хачар⁶?!

– К соседке дочка приехала с равнины. Она и нам привезла.

⁴ Хар-хьар (лезг. яз.) – специальная печь у лезгин, где хлеб пекут на открытом пламени;

⁵ Афарар (мн. ч.) – Афар (ед. ч.) – национальное блюдо лезгин, по решению ЮНЕСКО вошедшее в пятерку лучших и полезных блюд Кавказа;

⁶ Хачар-хьчар (лезг. яз.) – Целебные травы- начинка для афарар;

– А почему она не зашла к нам?! У неё все хорошо, доченька? – встревожилась бабушка Марьям.

– Не волнуйтесь, мама! Она обещала зайти завтра, сама всё и расскажет, – недовольно ответила невестка.

– Всё ещё ревнует её к моему сыну, – проворчала свекровь.

Гузель сделала вид, что не расслышала. Она нежно погладила выступающий живот, где малыш заявлял о себе, толкаясь ножками.

Стемнело. Вдали послышался цокот лошадиных копыт, и вскоре стали слышны голоса всадников.

– Торопись, сынок! Надо к утру вернуться на пастбище, – это был голос дедушки Фархада.

– Я мигом, отец! Занесу только хурджины и возьму лаваш на дорогу, – а это был голос папы.

Радости девочки не было конца. Дедушка привёз ей маленькую свирель, а папа – самодельные игрушки, искусно вырезанные им из кизилового дерева.

Дом Фархада был построен его отцом, известным в Лезгистане и за его пределами мастером Шингаром. Он будто вырастал из горы, сливаясь с ней в одно целое. Сакли, низкие глиняные дома с ровными, гладкими крышами и окнами, обращёнными во двор, напоминали огромные пчелиные соты. На первом этаже, как положено, горцы держали домашнюю скотину. Здесь животные были защищены от холодов в суровые зимы, от голодных волков и скотокрадов. Случалось

и такое, особенно в военные и послевоенные годы. А теперь все республики ушли в свободное плавание, полное хаоса, неразберихи. Многих не миновали местные межнациональные войны! Жизнь показала, что это случается тогда, когда политики играют судьбами людей, словно в карты.

Фархад вновь внимательно окинул дом взглядом. Он остался доволен. Дом стоял, как неприступная крепость, вместе с другими постройками горцев. Докурив трубку с крепким табаком, перемешанным с душистой травой для придания особого вкуса, терпкости и аромата, старик медленно поднялся на второй этаж, где обычно живут горцы. Зашёл в кунацкую – гостевую комнату. Присел на мягкий домотканый лезгинский ковёр. «Давненько не заходили ко мне мои кунаки. – горестно вздохнул старик. – Да я и сам-то всё время в пути?!»

Судьба чабанская всегда была трудна и незавидна. Ведь они полгода в пути, вдали от дома и благ цивилизации. Только верный конь, верный пёс-волкодав, и верные друзья-товарищи всегда рядом. В любую непогоду спасали человека бурка и папаха, а в минуты опасности надёжной защитой служил острый кинжал, который, по закону гор, без надобности не вытаскивают из ножен ни один настоящий горец. Внутренние стены кунацкой, как и во всех жилых комнатах, были увешаны красочными настенными коврами, что с таким усердием ткут лезгинские ковровщицы. А на них красовались в красочных ножнах сабли да кинжалы. Старик вышел

на веранду, глянул на седые вершины Шалбуздага⁷ и Шахдага⁸ – главных хранителей земли лезгинской. Глаза старика повлажнели, то ли от солнечных бликов, то ли ещё от чего-то...

Тем временем сын Вели вытащил из хурджинов свежий и сушёный сыр, свежее и сушёное на чистом горном воздухе мясо. Потом поднялся на второй этаж и наскоро поужинал с отцом. Покидая дом надолго, Вели поцеловал дочку, обнял беременную жену. И тотчас убрал руку с её плеча, заметив строгий взгляд матери. Не положено горцу показывать свои чувства к жене при родителях. Отец и сын вышли из сакли. Молодой джигит нёс на крепких плечах хурджины с едой, заранее подготовленной бабушкой и мамой. И вскоре всадники скрылись за скалою. Вслед им мама пролила ковшик воды и вместе с бабушкой про себя прочитала молитву, чтобы Всевышний сберёг родных людей от невзгод и опасностей на пути.

В темноте мелькнула чья-то тень и скрылась в соседнем дворе. Это была Амина, так и не решившаяся выйти навстречу Вели. Слёзы душили девушку. Она не хотела жить без любимого. Но небеса решили по-своему. Её выдали против воли на равнину, в богатую семью. Ни через год, ни через пять лет она так и не забеременела. Тогда родители мужа на-

⁷ Шалбуздаг – Одна из высочайших вершин юго-восточной части Главного Кавказского хребта. Высота 4142 метра над уровнем моря;

⁸ Шахдаг – Горная вершина в восточной части Большого Кавказа.

стояли, чтобы бесплодную жену сын выгнал из дома. Отчаявшаяся молодая женщина готова была свести счеты с жизнью, только бы не видеть осуждающий взгляд отца, который вообще перестал разговаривать с дочерью. Единственным утешением была мама. Только мама понимала её. Соседский мальчик Вели и озорная Амина влюбились друг в друга, учась ещё в школе, когда ей было двенадцать, а ему четырнадцать лет. Но никак не могли выразить друг другу свои чувства. Пока, наконец, на празднике цветов он не подарил ей огромный букет и тихонько шепнул: «Я люблю тебя, Амина!» Девушка смутилась до слёз. «Прости, я не хотел обидеть тебя!» – смущенно сказал Вели, с неведомой ранее дрожью в голосе. Скрыв лицо в букете цветов, девушка шептала: «Как же ты не понимаешь, что я тоже тебя люблю, милый!»

Не успел отзвенеть последний звонок в школе, как к родителям Амины пришли свахи. И отец не изменил свое слово, данное кунаку еще при рождении дочери. Так Амину выдали замуж за нелюбимого человека. Об этом Вели узнал, когда он уже учился на первом курсе Одесского инженерно-строительного института. После этого, отчаявшийся Вели долгих пять лет не возвращался в родные горы. Но, как говорят: «Время – самый лучший доктор». Душевная рана затянулась, и Вели понемногу начал забывать о своей первой любви – Амине...

Неожиданно раздавшийся цокот копыт прервал раздумья Амины. Через минуту всадник ловко спрыгнул с лошади

и зашел в соседский двор. Сердце молодой женщины бешено заколотилось, словно готово было вырваться из груди. Это был он, её любимый! Через несколько минут Вели так же быстро вышел обратно, с торбой на плече. Ловко запрыгнув в седло, медленно проехал несколько метров и остановился возле забора отцовского дома Амины. Потом, резко прищипорив коня, промчался в сторону подъёма в высокогорье. И вскоре исчез в темноте. Молодая женщина ладонями обеих рук сильно сжала губы, сдерживая рыдания. На подкосившихся ногах она присела возле каменной стены.

– Доченька, ты чего сидишь-то на сырой земле, да ещё в темноте?! Вся озябла! – раздался голос матери, словно откуда-то издалека.

– Пойдём, моя хорошая, всё наладится, и ты ещё найдёшь своё счастье! А его оставь! Забудь! Не то узнает отец, тогда нам с тобою несдобровать!

Амина резко остановилась, лицо её, как в юности, стало решительным.

– Я всё поняла, мама! Утром же уеду в Махачкалу, буду учиться на швею, жить в общежитии. Потом, может быть, поступлю в университет, на биологический. Передай, пожалуйста, бабушке Марьям, чтобы не обижалась на меня за то, что не навестила её в этот раз. Она меня поймёт.

Отец и сын прибыли к пастбищу на рассвете. Фархад поинтересовался обстановкой. Слава богу, ночь прошла без происшествий. Но молодой чабан явно что-то недоговари-

вал. Фархад посмотрел на сына:

– Иди, разберись, что там ночью случилось!

По пути Вели протянул большую торбу одному из чабанов:

– Это вам передала мама, дядя Махмуд!

– Что там, дорогой племянник?! – пожилой чабан сделал вид, что не догадывается, что находится в торбе.

– Ваш любимый лезгинский хинкал⁹, – весело ответил Вели. – Когда в пути будет привал, я вам такой хинкал приготовлю с сушеным мясом, с катыком¹⁰ и чесноком, что пальцы оближете!

– Э-э, дорогой мой, жаль, что я уже покушал. А то, после твоих слов, мне уже не терпится попробовать хинкал моей горячо любимой сестры, – ответил дядя Махмуд, укладывая торбу в свой хурджин.

– Ну, рассказывай, что там случилось! – строго спросил бригадир Вели молодого чабана, шедшего рядом с ним к отаре, опираясь на ерлыгу¹¹. – Опять волки напали? Расплодилось их нынче!

– Нет, не волки то были! Это были неизвестные люди, они пришли с той стороны и были вооружены. Но наш дозор их вовремя заметил, – ответил, вместо младшего, старший чабан Ахмед, показывая в сторону границы...

⁹ Хинкал- хинкали – распространённое блюдо на Кавказе;

¹⁰ Катък – кисло- молочный продукт;

¹¹ Ерлыга – длинная палка с крючком в конце, для захвата овец за ноги;

Словно на расстоянии вытянутой руки, вдали, в лучах солнца, величаво сияли вечными снежными куполами Шахдаг и Шалбуздаг. По обе стороны Главного Кавказского хребта, в горах и на равнине, на берегу Каспийского моря, на своих же исторических землях, проживает народ – лезгины. В смутные 90-е годы, без учёта волеизъявления народа, лезгины оказались разделёнными пополам, как говорится – «по-живому»: одна половина в России – в Республике Дагестан, а другая оказалась под юрисдикцией Азербайджана.

Два раза в год Лезгистан¹² приходит в особое движение, связанное с перегоном отар. Отгонное животноводство утвердилось здесь, как и во всём Дагестане, ещё с незапамятных времен. Весной, после праздника Яран Сувар¹³, овец перегоняли на высокогорные луга, по качеству травы не уступающие швейцарским Альпам. А осенью, наоборот, отары перегоняли зимовать на равнину в Муганскую степь Азербайджана.

Но наступили плохие времена. Как принято называть в народе – «лихие девяностые годы». В горах появились настоящие бандиты, которые не щадили людей, угоняли их овец, домашний скот. Пока пограничники еще не успели взять под

¹² Лезгистан – Юг Дагестана, России, солнечный край, не имеющий юридического статуса. Вторая часть лезгинской земли находится под юрисдикцией Азербайджана. Лезгины – разделённый народ на своей же исторической земле по решению большевиков;

¹³ Яран Сувар – «Праздник Солнца», которая наступает во время равноденствия в ночь на 22 марта.

свой контроль всю границу, особенно горные её участки. По этим лазейкам и проникали иногда бандиты. Но чаще, горцы давали им достойный отпор. При этом происходили ожесточенные столкновения и перестрелки. Теперь дорога в Муганскую степь была закрыта. И никто не знал, что делать. Не знали, что будет с их отарами и стадами. Оставаться зимой в горах, это было верной гибелью для мелкого и крупного рогатого скота. «Я позвоню главе муниципалитета», – хмуро сказал Вели, отходя к краю скалы. Глава муниципалитета не отвечал. В тревожном ожидании, чабаны, готовые к перегону, ходили, как говорят, «как в воду опущенные». Настроение было подпорчено последними новостями по радио. Глава муниципалитета не связался с чабанами ни через час, ни через день. Он был тяжело ранен неизвестными и находился под усиленной охраной в городской больнице города Дербента. Но откуда это было знать чабанам?! Сейчас решалась судьба их отар, а значит – их самих и их семей. Почему-то молчало министерство, словно страус, спрятав голову в песок при возникшей опасности. Неизвестно, куда подевались все эти ответственные и безответственные работники районных управлений сельского хозяйства.

Предстояло пережить еще одну тревожную ночь. Ярко горел костер, поддерживаемый пожилым чабаном, ответственным за это. «Давай, племянник, организуй нам тонко нарезанный лезгинский хинкал! Ты же обещал?!» – попросил Ве-

ли дядя Махмуд, доставая торбу с кинияр¹⁴.

Над костром чабаны быстро подвесили котел с родниковой водой. И минут через сорок в нём уже доваривалась, нарезанная большими кусками, баранина. Вскоре отваренное мясо молодого ягнёнка выложили рядом на скатерти, а в кипящий бульон Вели осторожно высыпал кинияр, осторожно помешивая шумовкой по кругу, чтобы они не слиплись. Количество кинияр было рассчитано с математической точностью на всех чабанов, включая и тех, кто охранял отары ночью от нападения волков или скотокрадов. Вели шумовкой осторожно разложил по железным мискам чабанов сваренные кинияр.

– Хинкал готов! – весело крикнул бригадир.

Чабаны уселись вокруг скатерти, обильно подливая на хинкал катык с толчёным чесноком. Каждый брал по куску отварного мяса. Аромат стоял удивительный! Чабаны ели хинкал с таким аппетитом, что Вели про себя решил: с этого дня, когда позволит обстановка, готовить только тонко нарезанный хинкал.

– Да, дорогой племянник, ты стариков порадовал, – сказал дядя Махмуд, допивая бульон.

– А молодым, что, не понравилось? —полушутя спросил Вели.

– Вы что, дядя Вели! Нам ещё как понравилось! – ответил

¹⁴ Кинияр – нарезки-заготовки из тонко раскатанного теста для хинкала (хинкали).

за всех молодой чабан.

– Сынок, а ну-ка иди сюда! – позвал Фархад буба молодого чабана, – ты когда в последний раз танцевал лезгинку?

– Только позавчера! – ответил молодой удин¹⁵, держась на почтительном расстоянии. Саша удин был крепкий, трудолюбивый парень лет тридцати. Он не захотел принять участие в братоубийственной войне азербайджанцев и армян в Нагорном Карабахе. Поэтому бежал в горы и стал чабаном. И, конечно же, тосковал по дому.

– Э, так дело не пойдёт! Не давай грусти брать верх над собой! Надо танцевать сегодня, завтра, и послезавтра. И так до скончания века! – проговорил старый чабан.

Он прошёл всю войну. Участвовал в освобождении Вильнюса, Риги, Праги, дошел до Берлина и без единой царапины вернулся в родные горы. На груди старшего сержанта теснились боевые ордена и медали. Старый воин хорошо понимал, что не все оправились от последних безрадостных сообщений. Поэтому нельзя было опускать руки.

– Играй! – крикнул он старшему чабану. – Чего медлишь?! Играй!

Заиграла гармошка. Вслед начал выбивать ритмичную барабанную дробь дядя Серкер. Звуки зажигательной, искромётной лезгинки заполнили окрестности. Фархад буба встал, выпрямился и бодро прошёлся по кругу. Сделал красивый выпад вперёд, раскинув руки вверх, как гордый орёл, с прон-

¹⁵ Удин- представитель лезгино-язычного народа. Удины —христианы

зительным криком «Асса!» В круг вошёл дедушка Махмуд. Казалось, что танцует мужчина лет этак сорока пяти. А ведь танцор разменял шестой десяток! Настал черёд младших. Ну а молодость, есть молодость! Они были так стремительны и задорны, так лихи, что аплодирующие зрители не жалели ладоней и до хрипоты кричали «Асса!»

Во время наступившей паузы, при неярком свете костра, Вели прочитал заинтриговавшую его статью из независимой газеты «Молодой строитель» месячной давности. «Честное слово, засмеяли бы нас наши предки, лет сто назад никто бы не поверил, что внуки выбросят папахи, бурки, черкески отцов и дедов. Никому бы и в голову не пришло сказать, что в аулах замолкнут песни, что народ, давший миру лезгинку, разучится её танцевать». Все притихли, ожидая, что скажет об этом самый уважаемый среди них человек. Фархад буба молча курил свою трубку, о чём-то думая. Наконец, он заговорил уверенно и спокойно. Это передавалось и окружающим.

– В чём-то прав автор статьи, а в чём-то нет. Нельзя судить по десятке, сотне весь народ. Возможно, есть такие, что забывают наши обычаи, что разучились танцевать лезгинку. Но разве по нам, по вам, можно такое утверждать? Никак нет! – по-военному четко отчеканил Фархад буба, сам отвечая на свой вопрос.

Немного помолчав, он добавил:

– Мне кажется, что этот автор преследует не совсем благо-

видную цель. Его цель гораздо хуже, опаснее. Это – вселить в меня, в тебя, в целом во весь народ, безнадежность – самое большое на свете несчастье! – старик встал, встряхнул свою бурку и поправил папаху. – Достаточно на сегодня. Всем отдыхать. Завтра решим, что делать.

В полночь в горах началась гроза. Три часа шёл дождь. Лил, словно из ведра. Ночное небо рассекали яркие молнии, и вся окрестность заполнилась оглушительными раскатами грома. Всю ночь не спал Вели, проверяя дозоры. Тревога не покидала сердце. Почуввав хозяина, сторожевые волкодавы подбегали, виляя хвостами, всем своим видом словно успокаивая: «Видишь, мы не спим! Мы чутко стоим на страже!» На редкий лай волкодава чутко реагировал стоящий в дозоре чабан. Он внезапно появлялся из темноты и также внезапно исчезал, возвращаясь на свой пост, откуда обзор окрестностей был лучше. Лишь под утро, когда его сменил старший чабан Ахмед, Вели пошел немного подремать, набраться сил.

Рано утром Фархад буба позвал сына Вели и шурина Махмуда:

– Больше ни на один день нельзя оставаться в горах. Пойдут заморозки, а там, поди, и снег выпадет. Не выберемся мы тогда отсюда живыми с отарами. И колхозу будет положен конец!

– Что предлагаешь, Фархад? Что же нам делать? Говори! Мы тебя слушаем! – с тревогой в голосе спросил Махмуд.

– Не знаю, – опустив голову, ответил старый чабан.

– Отец! Можно я скажу! – сделал шаг в круг Вели.

– Мы слушаем тебя, – спокойно ответил Фархад буба.

– Попробуем спуститься в низовье Самура. А там что-нибудь да придумаем. Наконец, обратимся за помощью к народу. Уверен, что помогут. – Вели, в ожидании ответа, отошел в сторону. – Возможно, что народ поможет. Да и наш род в стороне не останется, – ответил Фархад буба спокойно.

Немного поразмыслив, он добавил:

– Но надо учесть, что нынче в низовьях Самура была засуха. Им бы самым сохранить домашний скот в зиму. А тут еще и мы «свалимся» со своими проблемами целым колхозом, словно саранча. Нет, не годится!

Фархад буба повернулся к Махмуду:

– Что скажешь, друг?!

– Думаю вот что. У меня нет вариантов, кроме как двинуться на север, в Ногайские степи, – Махмуд помолчал, нервно прокручивая между пальцами козью ножку. – Мы же в молодости как-то гоняли отары по тому прогону. Помнишь?

– Помню, – коротко ответил Фархад буба, – и что предлагаешь?

– На этом пути во многих местах земли захватили местные. И, стало быть, дороги для нас уже нет, – с горечью продолжал пожилой чабан, – могут возникнуть столкновения. К тому же это не простые люди, а так называемые «крутые».

– Что думаешь по поводу предложения дяди Махмуда? – спросил сына старый чабан.

– Я думаю, что опасения дяди Махмуда оправданы. Дорог для перегона отар практически не осталось. Если пойдём, то вынуждены будем перегонять отары по трассам, что связано с немалым риском и для людей, и для животных. А когда отара пойдёт через населённый пункт, то с нашими овцами могут смешаться овцы местных жителей. А сортируя их, мы задержимся в пути, потратим время впустую.

– А вот, что я думаю! – Фархад буба встал, вытянулся во весь свой богатырский рост, – будь, что будет, но надо спасти отары, наш колхоз, наши семьи! Пока мы будем в пути, авось, государственные головы что-нибудь, да предпримут! Мы не пойдём ни к министру, ни к кому-либо еще! Пусть теперь они идут к нам навстречу! – закончил свою короткую речь Фархад буба.

И больше не теряя ни минуты, он негромко крикнул:

– Начинаем перегон!

– По коням! Начинаем перегон! – крикнул Вели.

«По коням! По коням! Начинаем перегон! Начинаем перегон!» – многократно повторило эхо.

– А весной мы вернёмся в родные горы! – крикнул снова Вели.

«А весной мы вернёмся в родные горы! А весной мы вернёмся в родные горы!» – вновь многократно повторило эхо. Чабанские огромные волкодавы, весело гавкая, подгоняли

отары по тропинкам, вниз, на равнину. Перегон начался. Впереди чабанов ждала полная опасностей неизвестность.

Юрик (Юрмет) Нагиев, 1990 – 1991г. г.

Это же ведь не высшая математика

Это было давно. Я уже сам в том возрасте, в каком тогда был наш школьный учитель. Хорошие были времена. СССР ещё существовал, и ничто не предвещало его скорый конец. Были колхозы и совхозы, октябрята и пионеры, комсомольцы и коммунисты. Правда, коммунисты есть и сейчас...

Мы, школьники старших классов, на летних каникулах записывались в пришкольные трудовые бригады. Нас учили жизни наши педагоги: пропалывать грядки, окучивать томаты, собирать овощи и фрукты, делать прививки саженцам, косить, сеять. Всего и не перечислишь! Двадцать одна грядка, помню, как сегодня, была нормой для одного ученика. Аккурат к багряному закату мы успевали прополоть томаты, стараясь не задевать подросшие кустики. Но чего греха таить-то: многие ученики, в том числе и я, нет, нет, да срезали, после неудачного движения мотыгой, эти сочные, готовящиеся плодоносить, кустики. Чувство вины, конечно же, присутствовало. И мы старались скрыть следы наших «преступлений». Но зоркое око учителя химии К* сопровождало нас повсюду. Одна моя одноклассница особо отличалась в этих «преступлениях». Да она и не старалась особо замечать следы. Была очень прямолинейной девочкой. И такая она нам

очень нравилась! Звали её N*. Мы, мальчишки, старались выбирать фронт работы поближе с ней и всячески помогали ей в прополке и в окучивании томатов. – Ой, маменьки! Опять срезала! – то и дело доносились по полю её жалобные вскрики. Мы все спешили к ней на помощь: кто-то окучивал, кто-то глубже закапывал срезанный кустик. Успокоив, как умели, мы вновь возвращались к своим грядкам.

– О боже! Ещё одну я лишила жизни! – N* стояла в растерянности, вытирая от пота красивое лицо белоснежным платком. Мы, как всегда, рванули ей на помощь. Но на этот раз нас опередил наш новый учитель K*.

– Так-так, – проговорил с досадой учитель, – хорошо, что все собрались!

– А теперь убедитесь сами, – он буквально откопал наши «трофеи» – закопанные кустики томатов.

– Что же это получается?! Это не работа! Посчитайте, сколько саженцев, уже готовых дать урожай, вы уничтожаете своей недобросовестной работой! – всё больше распалялся учитель. Мы стояли, опустив головы, явно чувствуя свою вину. Никто не желал обратить гнев учителя на себя.

– Вас здесь трудятся три бригады по тридцать человек. Если каждый день вы уничтожаете по одному саженцу, то представьте себе, в какую сумасшедшую цифру всё это выльется за месяц, за два! Подсчитайте, это же ведь не высшая математика! – учитель весь побагровел от благородного гнева, его лоб покрыла испарина. Наконец, он остановился, яв-

но довольный от учинённой нам взбучки.

– Пронесло, – облегчённо вздохнули мы, всё так же сверля почву под ногами, с всё большей нарастающей ненавистью к этим саженцам.

– Учитель, тогда научите нас, как надо правильно пропалывать и окучивать кусты томатов! – как гром среди ясного неба прозвучала просьба N*.

Мы все подняли глаза, восхищаясь её смелостью и решительностью.

– И вправду, пусть покажет, как надо правильно пропалывать, – подумал, наверное, каждый из нас в ту минуту. Все тридцать пар глаз подростков упёрлись в лицо учителя.

– А ну-ка, дай сюда! – он взял мотыгу у меня.

– Нет, так не пойдёт! Вы поработайте моей мотыгой! – потребовала N*.

– Смотрите внимательно! – учитель взял мотыгу у N*, сплюнул на ладони и с размаху снёс под корень сочный большой куст томата!

Мы ахнули! Стояли с минуту, не зная, как нам на это реагировать! Учитель, весь красный, как рак на горе, стоял в растерянности, не зная, как поступить дальше.

– Учитель, возьмите, пожалуйста, мою мотыгу! Действительно, прицел у мотыг разный! – постарался пошутить я и тем самым разрядить неловкую сцену.

– А и вправду, дай сюда твою мотыгу! – учитель взял мою мотыгу и – хрясь! Срезанный под корень, очередной кустик

снова упал, как поверженный враг, на раскалённую землю.

– Возьмите другую мотыгу! Ведь бог любит троицу! – вскричала с сарказмом N*.

– Дай сюда! – со злостью крикнул учитель, выхватывая мотыгу у Артёма.

– Смотрите и не говорите потом, что не видели! – учитель размахнулся, словно он собирался бить по бейсбольному мячу, и – хрясь! Удар острой мотыги вновь снёс под корень очередную жертву – большой, сочный кустик томата!

Бросив мотыгу, учитель буквально убежал по полю, хаотично размахивая руками, словно отмахивался от напавших на него ос, и вскоре скрылся в багряной, золотисто-жёлтой роще, откуда до нас доходили звуки музыки и вкусный запах шашлыка, заставляя нас глотать слюнки. Мы, молча, смотрели вслед беглому учителю.

Неожиданно раздался звонкий смех N*. Школьники один за другим начали смеяться, и вскоре наш смех пронёсся по полю, словно раскаты грома среди ясного неба. Даже журавлиный клин удивлённо проделал круг над нашим полем. Им было не до нашего смеха. Они прибыли из далёкого севера, где уже наступали первые заморозки. А у нас, на юге, что осень, что лето – всё одно и то же!

А на другой день нашу школьную бригаду распустили. И мы оставшиеся летние деньки просто отдыхали, бесились, играли, кто – чем мог, помогали своим родителям. Первого сентября нас встретила новый учитель химии, златокуд-

рая Татьяна Ивановна – молодая выпускница университета, о которой у нас до сих пор остались только приятные воспоминания. Воспоминания, навеянные всеми красками осени: это и осенние балы, и проводы багряных закатов, и встречи алой зорьки. Это было волшебное время. Время получения знаний жизни!

Клятва ребёнка

Сосед, дальний родственник, был компанейским человеком. Работал сельским учителем. В свободное от занятий время пил, гулял. Бедная его жена еле сводила концы с концами. А на руках – семеро голодных ртов. Зарплата пропивалась. Те скромные копейки, что выручала его жена, продавая на базаре то, что даровала природа, ухоженный сад, также изымались. Этаким деспотом был этот сосед.

Как-то послал он меня за водкой в магазин. Мама остановила меня:

– Ты еще мал, потеряешься. А вина у них достаточно, не ходи сынок!

Но отец не хотел портить отношения с соседом, да к тому же – дальним родственником. Отправил в магазин, строго наказав:

– Ты уже мужчина! Одна нога там, другая – здесь!

За околицей меня остановила мама:

– Погуляй, сынок, в саду. Попозже придешь и скажешь дяде, что магазин закрыт! Понял?

– Да, мама! – ответил я с облегчением, потому что дорога в магазин пролегла через страшное урочище, откуда, то и дело, доносились завывания разных зверей.

Мы, дети, стремглав уносили ноги с этого места после провода какой-нибудь старушки до другого конца села. «Со-

вершая добрые дела, ты становишься чище, лучше, зарабатываешь себе баракат», – часто повторяла нам, своим детям, мама. Наигравшись, я подошел к компании, расположившейся под черешней на теплых овечьих шкурах.

– Принёс? – спросил сосед.

– Нет! – с какой-то злостью ответил я ему.

И тут же получил подзатыльник от отца:

– Ты чего это грубишь-то старшим? Тебя спрашивают, а ты отвечай «да» или «нет»! Понял?

– Понял, папа, – ответил я, опустив глаза. – Магазин закрыт. Я не купил.

– Подними голову, смотри мне в глаза, сынок! – потребовал папа. – Ты говоришь правду или обманываешь нас?

Я смотрел прямо в глаза отца и молчал, как партизан.

– Ладно, ладно, я верю тебе, сынок! Но если магазин был закрыт, то что мешало тебе нажать на звонок и вызвать продавца? Они же всегда дома. Давай, сынок, быстро – туда и обратно.

– Передай тётке Марьям, чтобы дала одну бутылку водки под запись на меня, – вдогонку крикнул сосед. Я уже возвращался из магазина. Навстречу шла женщина с кувшином с родника. Она была близкой родственницей нашего соседа. Я машинально спрятал бутылку за спиной. Мне почему-то стало стыдно. Она это заметила.

– Не прячь, не прячь, покажи, что там! – потребовала она почему-то.

– Это дядя Али попросил сбегать в магазин за водкой, – ответил я сдавленным голосом. Мне тогда было около шести лет.

– Ничего, ничего, когда вырастешь, ты тоже будешь таким! – сказала эта женщина мне вслед.

Я бежал, захлебываясь собственными слезами. Мои босые ноги едва касались уличной пыли. Я бежал, со злостью выговаривая сквозь зубы: «Никогда, никогда... я не буду пить эту заразу, которая так унижает человека... Никогда... Клянусь!» Да, действительно, в шесть лет я, будучи еще ребенком, проговорил эти слова, суть которых я изложил выше.

Не помню, как добежал до дома. Мама, увидев, что стряслось со мной, разбила бутылку водки о камень. Папа был в оцепенении. Сосед и его гости моментально протрезвели и разошлись по своим домам. Я долгих два месяца пролежал в постели. У меня никак не спадал жар. Тогда папа и все соседи завязали с алкоголем. Продержались почти полгода. Будучи уже взрослым человеком, в кругу нашей семьи, вспоминая тот случай, я часто произносил ругательства в адрес той женщины. Пока однажды моя мама не сказала мне:

– Сынок! Зря ты ее ругаешь. Ничего плохого она тебе не сделала. Возможно, через неё господь так пожелал, чтобы тебе были переданы те слова. Чтобы убережь тебя от алкоголя, от всего плохого, что с этим связано.

– Ты права, мама! – ответил я, покоренный неведомой мне ранее правдой.

И с той поры я только с благодарностью вспоминаю ту женщину и говорю ей искреннее «спасибо!»

Белое Облачко и Чёрная Тучка

В уютной сакле у окна сидела девочка лет пяти. Рядом на подоконнике удобно расположилась упитанная кошка и, нежась в лучах солнца, мурлыкала, глядя на маленькую хозяйку. Внезапный порыв ветра ударил каплями дождя по оконному стеклу и нещадно забарабанил по железной кровле. Небо прорезала молния. Затем раздались раскаты грома. Девочка испугалась и подбежала к бабушке, вязавшей чувеки из шерстяных разноцветных ниток. Вслед за девочкой с подоконника спрыгнула кошка и улеглась у ног бабушки.

– Не бойся, моя хорошая, – сказала та спокойно – я тебе и Ириске налью тёплого молока. Попейте и успокойтесь.

После этого девочка попросила:

– А теперь расскажи сказку.

– С удовольствием, – ответила бабушка, удобно усаживаясь рядом с внучкой на диване. – Её мне рассказала моя бабушка. И так, передаваемые друг другу, сохранились сказки, притчи, песни и обычаи нашего народа. « Это было давним давно. Как-то поссорились Белое Облачко и Чёрная Тучка. Долго выясняли, кто из них красивее. Из-за их ссоры разразилась гроза и молния, которая сожгла стог сена на пригорке. Увидел всё это Братец Ветерок. Он хотел остановить пламя, но языки его, наоборот, всё бежали от него по полю.

Братец Ветерок был совсем ещё маленький, быстро устал, выдохся и прилёг на кроны вековых деревьев в ореховой роще. Испугалось Белое Облачко и стало звать на помощь. А Чёрная Тучка смеялась и становилась всё злее. Услышала Мама Облако раскаты грома и проснулась. Увидела, как сверкают молнии, а по полю бегут язычки пламени. Рассердилась Мама Облако, поругала спорщиков. Белое Облачко молчало, а Чёрная Тучка вдруг разрыдалась, пошёл холодный дождь, потушивший пламя. Когда вокруг всё успокоилось, из-за горы выглянуло солнышко, сладко зевнув и потянувшись. А Белое Облачко поплыло над бескрайними пшеничными полями, радуясь, что всё так благополучно закончилось. Увидев, что внучка задремала, бабушка осторожно уложила её на диван, нежно прикрыв пледом.

– А они когда-нибудь помирятся? – сквозь сон спросила девочка.

– Да, конечно.

– А как это узнать?!

– Посмотри-ка сюда сама, – бабушка подошла к окну.

Дождь уже перестал, и полнеба опоясывала разноцветная радуга.

– Вот, радуга! Она и есть – мостик дружбы между Белым Облачком и Чёрной Тучкой. Поняла?! – Бабушка присела на край дивана, взяв в руки спицы, и вновь закипела работа. Впереди была зима, а в горах она особенно суровая. Надо было успеть связать много чуеков для многочисленных

внуков и внучек. А маленькая девочка вновь уселась у окна. Рядом на подоконнике лежала, нежась в лучах заходящего солнца, рыжая кошка и тихо мурлыкала, глядя на свою маленькую хозяйку, словно говоря: «Лучше дружбы нет ничего... мурррр-мурррр-мурррр...». «Да я поняла!» – то ли бабушке, то ли рыжей кошке прошептала девочка, стоя коленками на мягком стульчике и облокотившись о подоконник. В синем чистом небе кружились орёл с орлицей, совершая виражи над горной вершиной. Возможно, там было их гнездо. А пушистые облака зацепились за седые горные вершины и отдыхали, словно путники, перед дальней дорогой.

Риторический вопрос

Дама бальзаковского возраста не спеша шла с базара. Под тяжестью двух полных продуктами сумок, она чуть сторбилась и была погружена в свои мысли. Прошло некоторое время, как она схоронила своего мужа. Дома её ждало одиночество, пустые, глухие стены. Ничто уже не радовало сердце. С каждым годом она всё замыкалась в себе, и уже нельзя было в ней узнать прежнюю жизнерадостную Светочку – Светлану Галицкую. Женщина остановилась перевести дух, немного отдохнуть. Неожиданно её внимание привлекла фигура бомжа, который сидел на скамейке у автобусной остановки. Он был в оборванной, грязной одежде: выцветшая рубашка вылезла из штанов, дырявая обувь, как в народе говорят, «уже давно просила хлеба». Волосы были растрёпаны, смуглое лицо окаймляла непонятного цвета борода. Бомжу на вид было лет пятьдесят. Он, как будто, спал сидя. Рядом на скамейке лежал открытый рюкзак, откуда торчала бутылка кефира, надломленная буханка хлеба и пучок зелёного лука.

У женщины сжалось сердце. Она не могла оторвать взгляд от незнакомца, волею судьбы оказавшегося в таком унижительном положении. Женщина тяжело вздохнула, вытерла накатившую слезинку. Она достала из своих сумок батон колбасы, плавленого сыра и положила в рюкзак бомжу.

Не открывая глаз, бомж тихо спросил:

– А зачем вы это сделали? Женщина вздрогнула и замерла, не зная, что ответить. – Не бойтесь меня, я вам ничего плохого не сделаю, – заговорил он и задал свой второй вопрос, – вы пожалели меня?

Она пробормотала, что-то невнятное, типа, как же не хорошо в таком виде шляться по улицам, надо же следить за своим внешним видом... Бомж слушал, не перебивая. Затем спокойно спросил:

– Тебе-то что? Я тебя всё равно замуж не возьму!

А женщина уже не могла остановиться. Она всё рассказывала и рассказывала ему про свою жизнь, потерявшую всякий смысл, и беззвучно плакала.

– Не плачь! Слезами ничего не решишь, – сказал бомж.

От его слов женщина вдруг почувствовала, как по всему её израненному телу прокатилась тёплая волна спокойствия. Она села рядом с ним, глядя перед собой в пустоту.

– Иди, тебя, наверное, дома ждут, – тихо проговорил бомж, выпрямляя спину.

Женщина молчала. Молчал и он. В какой-то момент рука бомжа обняла её за плечи. Она не сопротивлялась, а, наоборот, подчинилась. Мимо шли люди. Они спешили куда-то. Им было не до них. У всех были свои дела. Автобусы подъезжали к остановке и вновь уезжали. И так прошло много времени. Женщина мирно спала, упёршись головой в грудь бомжа. Он бережно обнял её и с нежностью теребил паль-

цами её смолистые, с проседью волосы. Небо затянуло тучами. Надвигалась гроза. Сверкнула молния и через две секунды грянул гром. Женщина вздрогнула, проснулась в испуге и вновь инстинктивно прижалась к бомжу.

– Не бойся! Это всего лишь дождь, молния и гром, – проговорил бомж. – А теперь иди домой! – почти приказал он.

Она встала, взяла со скамейки свои сумки и медленно пошла, несмотря на дождь. Вдруг она обернулась:

– Что сидишь-то?

– Риторический вопрос, однако, – проговорил бомж, вставая и накидывая на плечо свой рюкзак. Подойдя к женщине, он перехватил её обе сумки:

– Пошли!

Шли по парку. Под ногами шуршали багряные листья, попеременно с золотисто-жёлтыми, создавая удивительный, красочный ковёр, с замысловатыми узорами. Она набрала охапку разноцветных листьев, чтобы потом дома сплести из них яркий венок.

Женщина что-то готовила на кухне. В ванной заперся бомж. Человек, которого она пожалела и привела к себе домой. «Пусть хоть помоемся в нормальных условиях, приведёт себя в порядок. Бомж, но всё же он, прежде всего – человек, отступившийся по неизвестным ей причинам», – рассуждала она, то и дело тяжело вздыхая. Вдруг её сердце пронзила тревога и испуг: «А кто его знает?! Откуда мне знать, что у него на уме?! Кого я впустила в свой дом?!» Ещё с полчаса

она возилась на кухне, готовя ужин. Журчание воды в ванной давно стихло. «Что же бомж делает сейчас?!» – подумала с тревогой хозяйка дома, запивая валерьянку водой.

Женщина осторожно, на цыпочках зашла в зал и замерла на месте. В кресле, сидя, уснул красивый немолодой человек, в котором она вряд ли признала бы недавнего незнакомца- бомжа. От бороды не осталось и следа. Редкая проседь серебром коснулась виска. Он спал, как младенец. Рядом на диване лежал красивый венок из багряных и золотисто-жёлтых листьев, которые она днём собрала в городском парке. Она любовалась незнакомцем, сидя напротив, подперев щеку ладонью. Ужин на двоих стыл на столе. Одиноко маячила на столе непочатая бутылка вина, рядом с сиротливыми двумя хрустальными бокалами.

Яркий солнечный лучик пробился через прозрачную шторку и нежно пригревал лицо, играя, как озорник, не давая открыть глаза. Она сладко потянулась, зевнула и нехотя встала. В комнате никого не было. В открытое окно ветер заносил свежесть морской волны. «Неужели мне всё это приснилось?» – подумала женщина, собирая с пола исписанные мелким убористым почерком листы. Её взгляд остановился на одном из них: «И явь, и сон смешались в голове у С. Впереди – безысходность – пустота!» Женщина взяла чистый листок, посидела в раздумьях, затем неторопливо написала: «Трансформация сюжета в сон...» Она прошла в ванную, стала внимательно всматриваться в зеркало. Она чувствовала-

ла какую-то перемену. Лицо её было отдохнувшее, счастливое. Давно не было с ней так. После душа она привычно села позавтракать. Но вместо одной порции бутерброда, она приготовила две. Так же разлила в два стакана кофе. Кушать расхотелось. Она только не могла понять – почему. Её сердце билось учащённо, словно она кого-то ждала. По тропинке на пляж и обратно бегали горожане, ведущие здоровый образ жизни. Они пробегали мимо и её окон. Один из них вдруг остановился и крикнул:

– Доброе утро! Приглашаю вас на пляж! Там так хорошо!

– Я сейчас! – почти крикнула она и, прихватив почему-то венок из разноцветных осенних листьев, выбежала на улицу. Там не было никого! Её объял страх.

– О господи! Я схожу с ума! – женщина медленно пошла к дому.

– Прости, я отошёл на минутку! Это тебе! – услышала она голос, столь знакомый и приятный для её уха.

Она медленно обернулась, боясь испугнуть своё счастье. Красавец мужчина с пышными усами стоял перед ней, преклонив колена, с протянутым букетом в руках. Смущённая дама взяла букет нежных, белых хризантем, прижала к лицу. Аромат цветов приятно вскружил голову. Лицо её горело. Пылали губы. Щёки стали пунцово – красными.

– Спасибо! – тихо промолвила она, шагая по тропинке вниз к морю. Она стояла на высоком валуне, вдыхая чистый морской воздух. Чайки с криками проносились над волнами,

добывая себе пищу. Одинокaя фигура женщины ещё долго стояла на том месте. Больше её никто не видел. Лишь венок из разноцветных листьев выносила на берег и вновь забира-ла обратно к себе морская волна... Косяки улетающих на юг журавлей, то и дело издавали тоскливые звуки, словно они прощались с нами до весны. Вскоре они скрылись за багря-ным закатом. Канули в вечность.

Не подвластна годам наша любовь

В билетную кассу театра стояла большая очередь. Она двигалась медленно, то и дело доносились недовольные голоса: «Нельзя ли чуть быстрее, товарищи! Сейчас начнется, а мы до сих пор топчемся на месте!» Потом люди вновь переключались на житейские проблемы, а иногда говорили полшепотом о политике. Наконец, из этой очереди вылез худощавый, среднего роста старик, с аккуратно подстриженной бородкой. Глаза у него блестели: в руках он держал два заветных билета! Но вместо того, чтобы подняться по лестнице на второй этаж – в зал, пожилой человек присел в кожаное кресло в вестибюле. Расстегнув воротник рубашки, он прикрыл глаза. На улице стояла жара, духота. Здесь же, в вестибюле, было прохладно от работающих кондиционеров. Видимо, он устал. Как и следовало ожидать, впал в дремоту, пропустил начало представления. Кто-то нежно прикоснулся к его руке. Фронтоник тяжело приподнял веки.

– Здравствуй, милый дружочек! – ласково проговорила дама бальзаковского возраста. Старик весь засиял. Он чуть поддался вперед, приложив правую руку к уху: – Простите, что вы сказали, мадам!? Прошу-с, повторите! – дама наклонилась еще ближе к нему. От нее пахло чудеснейшими духами!

– Идемте же, милый дружочек! Уж простите вы меня ве-

ликодушно, что опоздала, – кокетливо проговорила дамочка.

Кавалер бодро поднялся на ноги, выпрямился. Он словно помолодел лет на десять! Взял дамочку под руку:

– Милая! Женщины никогда не опаздывают! Женщины всего лишь задерживаются! – дамочка заулыбалась. И пара поднялась по лестнице, ведущей в зал.

– Наши билеты, сударыня! – старик сунул в руку строгой билетерши два билета, озорно подмигнув ей, галантно пропуская вперед свою спутницу.

– Эх, был ловеласом, им и остался, – с нежностью проговорила билетерша вслед отцу, украдкой вытирая нахлынувшую слезу, – я-те дома покажу.... «сударыню».

Билетерша присела на стульчик. Дверь в зал чуточку приоткрылась, и показалась голова директрисы:

– Мам, дед опять в своем амплуа?! Билетерша лишь отмахнулась рукой:

– Не зря говорят, доченька, что горбатого могила исправит. Прошло чуть больше года, как не стало твоей бабули, а он уже резвится. «Мерси, сударыня, бонжур, мадам! И где это он всему этому научился!?» – обе женщины фыркнули и тихо засмеялись.

– Тише! Вы мешаете! – послышался шепот из темноты.

Директриса вышла в вестибюль, плотно прикрыв дверь, вдохнула полной грудью прохладный воздух. С минуту простояла перед фотографиями ветеранов Великой Отечественной войны. Со стенда на нее смотрел озорной, чубастый лет-

чик лет двадцати пяти. Дед словно говорил внучке: «Махнули на рыбалку! Не бойся, от мамки не влетит! Только – чур, бабуле не говори. А то и мне не поздоровится!» Перед глазами Марии пронеслись годы счастливого детства: рыбалка с дедом на озере, походы по местам боевой славы, там, где дед и его однополчане проливали кровь за Родину. Вспомнилась милая, добрая, все понимающая бабуля, нередко по-такавшая ее прихотям.

Вечером дома все были в сборе. В последнее время дед опаздывал. По семейной традиции никто не притрагивался к еде, пока самый старший не начнет, со словами: «Ну, с богом!». Во дворе слышались голоса. Внучка выглянула в открытое окно, потом подошла к матери. По выражению ее лица не трудно было догадаться, кто там.

– Ты, доченька, ему лишние билетки поберегла бы, что ли!? Ты же видишь, как он пенсией-то раскидывается, – в сердцах проговорила мать.

Потом, как обычно, махнула рукой, приговаривая, словно оправдывая отца:

– А много ли еще ему отпущено-то господом? Эх, доченька, чья-бы не пропадала! Давай нашу любимую, семейную! Мария взяла в руки старый дедовский баян, прошедший со своим хозяином всю страшную войну, и бережно подала матери. Мамины тонкие, нежные пальцы быстро пере-скакивали по клавиатуре баяна то вверх, то вниз, словно бабочки порхали с одного цветка на другой. Из окна полилась

чудесная мелодия. Тихонько запела мать, песню подхватила дочь, бывшая оперная певица. Все затихло вокруг. В соседнем доме домочадцы даже ругаться перестали. Лишь птицы позволяли себе встраиваться в этот чудесный музыкальный ряд. Дед нежно обнял свою спутницу за плечи и с гордостью, с удовольствием растягивая слова, произнес: « Мо-йи по-ют! ...Не подвластна годам наша любовь...» Слова песни подхватил, неожиданно поднявшийся легкий, вечерний ветер, и песня бодро зашагала далеко за околицу провинциального городка.

В ЖКЭУ

Мне понадобилась какая-то справка, а из-за занятости на работе я никак не мог добраться до жилищного управления. Мама-пенсионер вызвалась помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.